

В белоснежной рубке администратора свет видеотерминала озарял красивое и тонкое лицо юноши, а его угольно-черные глаза горели необычайным блеском. Пальцы Бай Цици порхали над клавиатурой, быстро управляя терминалом: он вбивал сложный и непонятный код, неотступно преследуя цель. Лавируя в сложнейшей и громаднейшей системе, он вцепился в нее мертвой хваткой и наконец разглядел силуэт бага под номером S37.

Бэг S37 появился на десятый год существования системы. Он отличался невероятной изворотливостью, и администраторы годами не могли отыскать и следа. Ради поимки S37 даже специально создали отдел системного управления — единственный департамент, состоящий из реальных людей.

И наконец Бай Цици отыскал его!

Его взгляд пылал решимостью, он преследовал цель по пятам и наконец приблизился к логову S37. Десять пальцев взлетели птицами, и, уцепившись за хвост неуловимого врага, он ворвался в его убежище.

Но в тот самый момент, когда победа была уже близка, Бай Цици замер: силуэт S37 исчез.

В диспетчерской раздался механический, бесстрастный голос:

Прожив в скрытом браке три года, муж внезапно швырнул перед ним документ о разводе. Стерпев боль, он подписал бумаги и ушел ни с чем, но с этого момента открыл путь к невероятному успеху: пробудил скрытые способности и суперсилы. Бывший муж после развода горько раскаялся...

Бай Цици, он угодил второстепенным персонажем в классический бульварный роман. Столкнувшись с безжалостным и мрачным главным злодеем, он решает хныкать, плакать и причитать...

Он, некогда всесильный и властный президент бизнес-империи, после автокатастрофы переродился в книжном мире. Стоило ему открыть глаза, как у него появился гениальный сын-злодей, а сам он превратился в молодую мачеху злодея...

Осознав, что S37 снова провел его вокруг пальца и вдобавок подменил лицо главного героя веб-новеллы на его собственное, Бай Цици помрачнел. Какого черта он превратился в молодую мачеху злодея!

Он откинулся на спинку кресла, тяжело дыша, достал электронную сигарету, затянулся и яростно выпустил дым.

Только бы ему добраться до S37 — он непременно сотрет его волю в порошок и превратит в системный мусор.

Правда, трудно было представить, что в недрах системы завалялось столь древнее «наследие». Редкая находка.

В мире, где он жил, человеческая цивилизация была полностью уничтожена и заменена системами и машинами. Люди томились в капсулах анабиоза, предаваясь иллюзиям в виртуальном пространстве, и от рождения до самой смерти не подозревали, что происходит с ними на самом деле.

Исключением были лишь сотрудники диспетчерской, хотя сейчас в ней остался только один Бай Цици.

Как семя, тщательно отобранное еще во младенчестве, он должен был провести всю свою жизнь в рубке, если не случится непредвиденного, отлавливая хитроумные баги, перед которыми пасовали роботы. Никто не знал, почему у S37 наблюдались поведенческие паттерны и разум, совершенно не свойственные программным ошибкам.

Именно так — разум.

Его мышление шло вразрез со всей системной логикой.

Кое-кто предполагал, что он — искра, сохраненная на случай плана по уничтожению человечества, в то время как другие верили, будто он представляет собой машинную цивилизацию более высокого порядка.

Но первой задачей оставалось найти его.

Бай Цици возложили на плечи тяжелую ношу.

Однако на сей раз он снова потерпел неудачу.

Дверь диспетчерской отворилась, и на пороге появился Эдвин. Холодным взглядом он уставился на юношу, а его голубые зрачки отливали безжизненным металлическим блеском:

— Тебе назначено новое задание, следуй за мной.

Бай Цици потушил сигарету, молча поднялся на ноги, проследовал за ним в белый отсек и лег в капсулу переноса.

— Поведенческая модель S37 снова эволюционировала. Твоя новая задача — проникнуть в мир и поймать его, — холодно произнес Эдвин.

Перед тем как крышка капсулы захлопнулась, Бай Цици внезапно посмотрел на него:

— А если я не найду его?

Задав этот вопрос, Бай Цици понял, что сморозил глупость. И действительно, на лице Эдвина появилась странная ухмылка:

— Тогда можешь не возвращаться, твое тело просто утилизируют.

Предсказуемо.

Крышка закрылась, капсула активировалась, и Бай Цици закрыл глаза.

Распахнув их сквозь раскалывающуюся от боли голову, Бай Цици обнаружил, что лежит на полу в крайне неестественной позе. Вокруг белели стены и стояла незатейливая мебель, а прямо возле его тела валялось опрокинутое металлическое кресло-коляска. Ушибленное о паркет запястье пронзило острой болью. Опираясь на руки, он с трудом приподнялся, но тут же понял, что ноги ниже бедер напрочь лишены чувствительности.

Бай Цици опустил взгляд на тонкие и бледные конечности, и в ту же секунду в его сознании всплыла информация, переданная личным нейромозговым терминалом — подробное досье на это тело.

Личность носителя: наследник семьи Шэнь, Шэнь Сицзэ.

Роль злодея: младший дядя семьи Шэнь, Шэнь Цзюань.

Носителя звали Шэнь Сицзэ, ему было семнадцать, он учился в одиннадцатом классе элитной старшей школы Инхуа и являлся законным наследником Корпорации Шэнь.

Сверху у него имелся старший сводный брат Шэнь Сижуй — сын первой жены Отца Шэнь, который в свои юные годы уже прочно закрепился в компании. Снизу рос шестнадцатилетний брат Шэнь Си Сюй, числившийся приемным, но на деле бывший внебрачным сыном Отца Шэнь.

Заработав первый капитал и добившись успеха в бизнесе благодаря матери Шэнь Сижую, Отец Шэнь подстроил все так, чтобы выставить женщину за дверь без гроша в кармане, после чего со всей решимостью женился на богатой наследнице Ду Жолань. Та родила Шэнь Сицзэ, которого отец объявил своим преемником. Из-за этого Шэнь Сижуй люто ненавидел его.

Отец Шэнь сколотил первоначальный капитал на средства матери Шэнь Сижую, а в высший свет пробился благодаря матери Шэнь Сицзэ, однако дороже всех ему была первая любовь с

восемнадцать лет.

Мужчины остаются мальчишками до самой смерти! — насмешливо скривил губы Бай Цици.

После скоропостижной кончины матери Шэнь Сицзэ Отец Шэнь привел в дом ребенка своей первой любви — Шэнь Сихюя, объявив его приемным сыном, и окружил небывалой заботой на людях и дома.

Из-за своего происхождения Шэнь Сихюй никогда не смог бы стать законным наследником клана. А потому Шэнь Сихюй тоже ненавидел его.

Бай Цици бросил взгляд на свое нынешнее плачевное положение. Во время прошлогодней осенней поездки на природу огромный грузовик на полной скорости вылетел из слепой зоны прямо на него, обрекая парня на то, что он больше никогда не сможет стоять на ногах, как нормальный человек. Проведенное впоследствии расследование закончилось тем, что водитель отправился за решетку, упорно храня молчание, а на его банковском счете откуда-то взялся миллион.

Слишком много совпадений. Кому же пришло в голову сжить его со света?

Шэнь Сижую? Шэнь Сихюю?

Или Отцу Шэнь?

Что же до Шэнь Цзюаня, то он приходился ему младшим дядей, а заодно и тем самым человеком, из-за которого вся семья Шэнь пошла ко дну.

Шэнь Цзюань был младшим братом Отца Шэнь, но самого Отца Шэнь в свое время усыновили.

Когда Отец Шэнь задумал начать свое дело, старики были против. Затаив обиду и поддавшись злобе, он хладнокровно спалил фамильный особняк дотла — спастись удалось лишь Шэнь Цзюаню, который в тот момент учился в старшей школе в другом районе. Вернувшись, Шэнь Цзюань застал лишь пепелище, где лежали тела стариков, и заливающегося фальшивыми слезами Отца Шэнь. Обладая незаурядным умом, Шэнь Цзюань быстро раскусил скрытые следы поджога, но из-за уничтоженных улик не смог притянуть отца к ответу по закону.

Все эти годы Шэнь Цзюань выжидал в тени, готовя почву ради одного-единственного дня, когда Отец Шэнь сполна заплатит за кровь.

В финале его мести Отец Шэнь покончил с собой, Шэнь Сижуй и Шэнь Сихюй угодили за решетку, а Шэнь Сицзэ умер в нищете на чужбине.

Добившись своего, Шэнь Цзюань по собственной воле ушел из жизни.

Горькая ирония: некогда блистательный клан Шэнь бесславно сгинул до последнего человека.

А искалеченный Шэнь Сицзэ в этой схватке крови и пламени играл роль лишь жалкого пушечного мяса.

Ознакомившись с досье, Бай Цици слегка изогнул губы. Раз уж он попал в этот мир, то проживет жизнь Шэнь Сицзэ достойно и вытянет хвост S37 наружу. Даже в виртуальном пространстве Главного Бога он оставался живым человеком из плоти и крови.

В голове вихрем пронеслись два имени — Шэнь Сицзэ и Шэнь Цзюань, а в глазах Бай Цици вспыхнул огонек. К счастью, пусть их и не связывали узы крови или тесное общение, у них имелась прочнейшая база для союза — общий враг.

Жизни Шэнь Сицзэ и Шэнь Цзюаня он заберет себе по праву, прожив их так, как было задумано изначально.

Из-за туч брызнуло солнце, и ослепительный свет упал на бледное, но поразительно живое лицо юноши.

— Ох, молодой господин Сицзэ, как же вы упали и даже не позвали никого? — в этот момент гувернантка, тетюшка Вэнь, без стука распахнула дверь. Увидев распростертого на полу Шэнь Сицзэ, она не только не испугалась, но с грубой силой вздернула его на ноги и усадила обратно в инвалидное кресло.

Бай Цици спрятал промелькнувший в глазах острый блеск и вернул лицу беззащитную бледность, после чего заговорил слабым, заискивающим тоном, боязливо заглядывая тетюшке Вэнь в глаза:

— Тетюшка Вэнь, простите, это я неуклюжий.

В глазах тетюшки Вэнь промелькнуло раздражение:

— В следующий раз будь аккуратнее. Из-за тебя я чуть не опоздала с креветниками для молодого господина Сихюя. Пора спускаться к завтраку.

Сидя в кресле, Бай Цици позволил тетюшке Вэнь выкатить себя из комнаты, а его тонкие бледные пальцы тем временем рассеянно гладили ничего не чувствующие колени. Будучи законным наследником семейного состояния, Шэнь Сицзэ жил хуже собаки, раз за разом подвергаясь нападкам и унижениям со стороны этой пресловутой тетюшки Вэнь, которую так нахваливали в доме, и будучи не в силах дать отпор.

Она прекрасно слышала, как Шэнь Сицзэ упал и звал на помощь, но не соизволила даже шевельнуться, неторопливо стряпая заказанные Шэнь Сихюем креветники, и лишь когда подошло время трапезы, не спеша поднялась наверх. Бедняга Шэнь Сицзэ с малых лет рос под неусыпным контролем этой женщины и настолько запугался, что даже не смел жаловаться на прислугу, севшую хозяйину на шею.

Тетушка Вэнь приходилась родной бабкой Шэнь Сихюю. После скоропостижной кончины матери Шэнь Сицзэ Отец Шэнь выписал ее из родной деревни под предлогом заботы о детях.

В столовой Отец Шэнь во главе стола просматривал почту на телефоне. Шэнь Сихюй устроился по левую руку от него и, ласкаясь, переложил на отцовскую тарелкупельмень с креветкой:

— Пап, попробуй свои любимые креветники, я специально попросил тетушку Вэнь приготовить. Неужели письма интереснее?

Отцу Шэнь пришлось отложить телефон. Беспомощно улыбнувшись, он тут же отправилпельмень в рот:

— Ладно-ладно, ешь давай.

— Старший брат, посмотри, папа еще и недоволен! — Шэнь Сихюй подался ближе к Шэнь Сижую. — Рассуди нас, братец.

Шэнь Сижуй проявил к сводному брату на удивление нежную заботу и с мягкой улыбкой произнес:

— Ну ты и невыносим!

Именно такую картину — образец отцовской любви и сыновней преданности — и застал Бай Цици. Подобное тепло и забота казались для Шэнь Сицзэ недостижимыми, словно звезды на небе. И до аварии-то он не купался в отцовской любви, а после нее в доме только и ждали, не скрывая фальшивых улыбок, чтобы он поскорее исчез.

Инвалид-колясочник на месте наследника — давно пора уступить дорогу.

Не собирается же он в самом деле руководить компанией, восседая на коляске? Позорище для всего клана Шэнь.

Тем не менее, чаще всего отцу и братьям доводилось слышать фразу о том, что ему следует получше ладить с младшим братом. Словно это он вечно устраивал скандалы на ровном месте. Ладить? Ну конечно, Бай Цици обязательно найдет общий язык с Шэнь Сихюем.

Пусть из-за поднимающейся температуры у него кружилась голова, Бай Цици все же растянул губы в мягкой, робкой и чуть просительной улыбке, тихо промолвив:

— Пап, я опоздал.

Отец Шэнь рассеянно буркнул «угу», ни капли не заботясь о том, вовремя явился второй сын или нет.

Однако нашелся тот, кто опоздал еще сильнее: Шэнь Цзюань занял свое место с сонной миной на лице, когда Бай Цици успел умять уже добрую половину завтрака.

Внешность Отца Шэнь была самой заурядной. По всей видимости, благодаря тому, что все его жены и любовницы отличались эффектной красотой, сыновья уродились как на подбор. Шэнь Сижуй обладал яркой, мужественной красотой — тут и говорить нечего. Шэнь Сихуй же отличался утонченными чертами лица, в точности унаследовав красоту биологической матери, из-за чего Отец Шэнь каждый раз при виде него вспоминал первую любовь.

Хуже переносивший болезнь и прикованный к креслу Шэнь Сицзэ выглядел куда бледнее: при всей привлекательности от него веяло болезненностью и хрупкостью надломленного цветка.

Но даже привыкший к красавцам Бай Цици на мгновение замер от устлана, когда Шэнь Цзюань сел напротив. Наполовину европеец, с глубоко посаженными глазами и отчетливыми чертами лица, в очках в тонкой золотой оправе, с высоким лбом, пронзительным взглядом и тонкими, словно лезвие, губами. При столь агрессивно-привлекательной внешности его ленивые, небрежные движения начисто сглаживали это впечатление, а на губах неизменно играла мягкая, отстраненная улыбка.

Он преподавал в университете города Н, вел чистую жизнь преподавателя и пользовался безупречной репутацией в кампусе, не представляя ни для кого угрозы. Однако втайне он уже подмял под себя несколько компаний, методично отгрызая рыночную долю Корпорации Шэнь — всего за три года отрубив гиганту руки. Обладая блестящим умом, он действовал жестко и безжалостно.

Месяц назад он прибрал к рукам проект, находившийся в ведении Шэнь Сижую, заставив последнего покраснеть от стыда перед лицом всех акционеров. Он не проявлял ни капли жалости даже к собственному племяннику.

Благодаря безупречной игре Шэнь Цзюань слыл безобидным, интеллигентным преподавателем, чуждым мирской суеты. Но Бай Цици знал: за этой безобидной оболочкой скрывается свирепый, необузданный зверь.

Бай Цици взял пиалу с горьким отваром из традиционных лекарств и медленно осушил ее до дна.

Чтобы приручить зверя, разумеется, требовалось подобрать подходящий ошейник.

При этой мысли уголки губ Бай Цици тронула едва заметная улыбка, и он поднял влажные глаза на Шэнь Цзюаня, поймав в них хищный огонек уверенности в победе.

Никто не заметил, как на лице забитого в угол юноши мелькнуло ослепительное выражение уверенности, а в глазах, черных как тушь, плеснула яростная сила.

Шэнь Цзюань замер за линзами очков в золотой оправе: врожденное чутье хищника позволило ему уловить странность. Никто лучше него не знал, что это был за взгляд — взгляд, присущий исключительно охотнику. Но стоило ему взглянуть пристальнее, как перед ним вновь предстал бледный, слабый юноша.

Почудилось, не иначе?

Утреннее застолье, полное контрастов, подходило к концу. Бай Цици взял салфетку, промокнул губы и окликнул уже поднимающегося из-за стола Шэнь Цзюаня:

— Дядя, вчера мы с одноклассниками проезжали мимо улицы Юньцзян, кажется, там беспокойно. Будьте осторожны, когда выйдете на улицу.

Шэнь Цзюань слегка удивился такому предупреждению. С этим племянником у них всегда были прохладные отношения, а после аварии тот и вовсе замкнулся в себе, так что проявленная сегодня инициатива застала его врагом. Легко приподняв брови, он обернулся к юноше в инвалидном кресле, сохранив безупречно мягкий тон:

— Понял, спасибо, Сицзэ.

Тем не менее, Шэнь Цзюань не принял слова племянника всерьез. Оказавшись в кресле в семнадцать лет, Шэнь Сицзэ стал тоньше чувствовать окружающий мир, так что страхи и мнительность были в порядке вещей, но сам Шэнь Цзюань не относился к числу робких людей.

Лишь когда до улицы Юньцзян оставался один квартал, какая-то неведомая сила заставила его вспомнить тот самый взгляд Шэнь Сицзэ за завтраком. На секунду замешкавшись, он сменил сигнал поворота на светофоре, когда тот уже окрасился в красный, и резко выкрутил руль, объезжая опасный участок в объезд.

<http://bllate.org/book/20888/2111725>